

УДК 129

ББК 87.3(2)52

Анна Федоровна Паченко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, аспирант отдела новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: pachenkoann@gmail.com

Принцип всеединства как основа идеи бессмертия в философии Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьёва¹

Аннотация. Рассматриваются иммортологические представления Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьёва, которые на данный момент недостаточно изучены. Бессмертие, присущее совершенному, окончательно бытию, в котором все пребывает в нерасторжимом единстве, как «основная и самая высшая идея человеческого бытия» у Достоевского рассматривается на материале различных его публикаций. Предполагается, что в основу иммортологических представлений писателя легли философские системы И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга, К.Г. Каруса и Г.Т. Фехнера. Выявлено, что Достоевский считал деятельную любовь и идею «абсолютного самосовершенствования» необходимыми для духовного преображения и преодоления эгоизма, ведущего к нарушению целостности и неизбежной смерти. На материале ранних работ Вл.С. Соловьёва показано, что его взгляды во многом совпадали с позицией Ф.М. Достоевского. Дан обзор концепции «истинного христианства», предполагающего, прежде всего, веру в бессмертие человека и всеединство. «Страдание» рассматривается как необходимая движущая сила к осознанному отказу от собственной личности и слиянию человечества с метафизической сущностью. Показано, что важным условием для этого является совместное совершенствование, так как индивидуальных усилий для преображения мира оказывается недостаточно. Сделан вывод о том, что только в результате такого преображения в мире установится «свободное всечеловеческое единение, всемирное братство во имя Христово». В заключении утверждается, что отчасти утопические в своей основе идеи писателя и философа были нацелены на разрешение духовных проблем современного человека и человечества вообще.

Ключевые слова: принцип всеединства, идея бессмертия, абсолютное самосовершенствование, идеал Христа во плоти, истинное христианство, религиозные взгляды Ф.М. Достоевского, концепция богочеловечества Вл.С. Соловьёва

Anna Fedorovna Pachenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Graduate Student of the Department of Russian literature, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: pachenkoann@gmail.com

The Unity Principle as the Basis of the Idea of Immortality in the Philosophy of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov

Abstract. The article represents a study of F.M. Dostoevsky's and V.S. Solovyov's immortological ideas, which are insufficiently studied today. On the material of various publications of Dostoev-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, ИРЛИ РАН, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>. (The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00481, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>).

sky, it is shown that he considered the idea of immortality as “the main and the most supreme idea of human existence”, since it is inherent in a perfect, final being, which implies an indissoluble unity. It is assumed that the sources of the writer’s immortalological ideas were the philosophical systems of I.G. Fichte, F.W.J. Schelling, K.G. Karus and G.T. Fechner. It was revealed that Dostoevsky considered active love and the idea of “absolute self-improvement” necessary for spiritual transformation and overcoming selfishness, leading to a violation of integrity and inevitable death. Based on the material of Solovyov’s early works, it is shown that his views strongly coincided with the position of the writer. As it turned out, both Russian thinkers saw the possibility of a future life only in connection with Christianity, which differed significantly from traditional teaching. An overview of the concept of “true Christianity” is given, which presupposes, first of all, faith in the immortality of man and unity. Suffering is seen as a necessary driving force towards the conscious renunciation of one’s own personality and the merging of humanity with the diversity of manifestations of the metaphysical essence. It is shown that an important condition for this is joint improvement, since individual efforts to transform the world are not enough. It is concluded that due to such transformation “free all-human unity, worldwide brotherhood in the name of Christ” will be established in the world. Undoubtedly, partly utopian in their basis, the ideas of the writer and philosopher were aimed at solving the spiritual problems of man of that time and humanity in general.

Key words: the unity principle, the idea of immortality, absolute self-improvement, the ideal of Christ in the flesh, true Christianity, the religious views of F.M. Dostoevsky, the V.S. Solovyov’s concept of God-manhood

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.1.052-065

Писатели и мыслители разных культур пытались разобраться в онтологии и метафизике, аксиологии и этике смерти и бессмертия. Существенный вклад в разработку этой проблемы на русской почве внесли Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьёв. Они рассматривали ее решение не только как попытку ответа на острые социальные вопросы своего времени, но и как основание для гармонизации бытия человека, утверждения приоритета высших моральных и духовных ценностей в жизни общества и человека. Демонстрация единства взглядов двух мыслителей в отношении важнейшей проблемы философии значима для доказательства идейного единства русской философии в целом. Ведь Вл. Соловьёв считается одной из ключевых фигур в становлении русской религиозной философии, а Достоевский – одним из крупнейших мыслителей того времени, чьи философские построения заключены в художественную форму.

Иммортологические представления писателя отражают его уникальное религиозное мироощущение, приверженность христианской вере и идеалу Христа. Библейские легенды, вплетенные в тексты его романов, неразрывно связаны с реальностью, где человек лицом к лицу сталкивается с несправедливостью и жестокостью мира. В попытках найти решение глубинных проблем человеческого бытия Достоевский обращался не только к Евангелию, и не всегда его решение укладывалось в представления традиционного христианства. Как полагает И.И. Евлампиев, Достоевский интересовался философскими системами немецкой идеалистической традиции, созданными И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллингом, К.Г. Карусом и Г.Т. Фехнером.

Наиболее целостно свои рассуждения о возможности бессмертия Достоевский изложил в рукописном фрагменте 1864 г. «16 апреля. Маша лежит на столе», созданном после смерти его первой жены Марии Дмитриевны².

Свои размышления Достоевский начинает с постановки проблемы духовного единства общества, точнее, его отсутствия в реальности и его необходимости для существования общества в его окончательном, должном состоянии: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует» [1, с. 172]. Писатель признает, что невозможно следовать христианской заповеди в мире, где интересы отдельной личности стоят выше общего блага.

«Рай Христов» Достоевский видит в противоположной цели – в коллективной вере и в достижении «всеобщего синтеза»³, т. е. когда каждая отдельная личность осознанно и жертвенно отказывается от своего Я в пользу человечества и становится с ним и всем миром единым целым⁴. По мнению Б.П. Вышеславцева, писатель описывает идеал бессмертия согласно христианской категории соборности, которая утверждает равноценность индивида и всеобщности и единство противоположностей⁵. Однако, как замечает И.И. Евлампиев, в отличие от ортодоксального христианства Достоевский рассматривает любовь к ближнему лишь как первый этап к более общему чувству любви ко всему сущему. Она дает мощную силу преображения к совершенству, к идеалу Христа как идеала человека во плоти⁶.

Поскольку единение человека со всем сущим становится для Достоевского главной силой, ведущей к совершенству, неудивительно, что и бессмертие как необходимый признак совершенного бытия человека оказывается в прямой связи с возможностью перейти из состояния отделения и частного существования в состояние единства.

Достигнув указанного синтеза, человечество изменится и совершит переход на высшую ступень существования. На этом этапе не будет необходимости в половой любви. В ней Достоевский видит не только сладострастие ради продолжения рода, но и «оттолкновение от гуманизма»⁷, так как пара отделяется от человечества ради создания семьи. Если единство – это принцип совершенства и бессмертия, то отделение, в том числе в половой любви, – это причина несовершенства и смертности.

Писатель неоднократно подчеркивает, что существование в слитности со

² См.: Достоевский Ф.М. 16 апреля. Маша лежит на столе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 20. Статьи и заметки, 1862–1865 / тексты подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 172–175 [1].

³ Там же. С. 173.

⁴ Т.А. Касаткина уточняет значение авторских концептов Я и все у Достоевского: все у писателя следует понимать как нечто исходное, а Я – как результат отделения от все (см.: Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 143 [2]).

⁵ См.: Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии // Современные записки. № 50. 1932. С. 301–302 [3].

⁶ См.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. 2-е изд. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 316 [4].

⁷ См.: Достоевский Ф.М. 16 апреля. Маша лежит на столе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. С. 174.

всем – идеал будущей жизни (это «бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное»⁸), а на земле человек, пребывая в отдельном, независимом существовании, находится в переходном, развивающемся состоянии и противоположен божественному идеалу. Человек, как пишет Т.А. Касаткина, должен не отвергнуть и уничтожить закон личности на земле, а преодолеть его, «дозреть» внутри своего *Я* до высших ступеней развития⁹.

И.И. Евлампиев, анализируя иммортологические представления Достоевского, заметил, что позиция писателя сильно сближается с позицией Фихте. В работе «Основные черты современной эпохи» (1806 г.) философ выделяет пять главных этапов развития человечества. Третий этап (современная эпоха) Фихте характеризует появлением свободного личного сознания и индивидуальности в ущерб единству с родом, который становится искусственной, механически составленной абстракцией. Цель последнего этапа развития человечества философ видит в обретении утраченного единства с родом.

Объединяя эту теорию с концепциями всеединства Шеллинга и Каруса, Достоевский представляет исторический идеал человечества как цельное, непрерывно развивающееся единство людей, осуществляемое в конкретных его личностях и силами этих личностей. После смерти личность преобразуется, теряет свое независимое существование, связанное с наличием тела, и окончательно входит как слагаемое в развитие всего человечества, направляя его на совершенствование и расширение единого целого¹⁰.

Достоевский не соглашается с представлением о том, что после смерти человек умирает «весь» (т. е. окончательно) и продолжает свое существование только в виде ограниченного духа в божественном мире, в Царствии Небесном (как утверждает ортодоксальное христианство). Согласно его мысли, личность человека входит в будущее развитие человечества на земле и продолжает существовать в личности потомков (в качестве идеала такого существования он упоминает Христа). И.И. Евлампиев комментирует эту мысль так: «Как следует из контекста всего фрагмента, разные личности в разной степени “входят в человечество” ... в зависимости от степени их собственного духовного развития и совершенства – кто-то большей частью своей личности, кто-то меньшей. Но Христос как совершенный человек (“идеал человека во плоти”, как сказано в этом же фрагменте ранее) осуществляет свое вхождение в человечество в максимально возможной степени по сравнению с остальными людьми; <...> во второй половине этого утверждения говорится о том, что “человек стремится преобразиться в *я* Христа как в свой идеал”. Это означает, что *я* Христа, его всецелая личность, а не “тело”, растворилась в человечестве и больше не нуждается в отдельном, даже совершенном теле» [4, с. 325]¹¹. Такое видение образа Христа также не

⁸ См.: Достоевский Ф.М. 16 апреля. Маша лежит на столе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. С. 173–174.

⁹ См.: Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 167 [5].

¹⁰ См.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. С. 288–293, 327–339.

¹¹ Исследователь также обращает внимание на сходство концепций писателя и Фехнера, в системе которого активное преобразование мира играет важную роль. Согласно его представлениям, люди не являются духовно равными ни в нынешней жизни, ни в посмертной. После смерти дух

соответствует представлениям догматического христианства, которое считает принцип отдельного телесного существования человека абсолютным.

Пример такого «вхождения» личности в человечество мы видим в романе Достоевского «Братья Карамазовы» (1880 г.). Маркел, умирая, «отдает» всего себя Зосиме. В свою очередь личность Зосимы «переходит» к Алеше, чтобы учение старца было передано дальше. Полное и сознательное приятие содержания *Я* другой личности сопровождается внутренним кризисом, который приводит к умиранию части самого себя и прежнего мировоззрения. Подобный путь преобразования, по мысли Достоевского, должно пройти всё человечество, чтобы преобразиться и преодолеть смерть¹².

Размышления о смерти и бессмертии в рукописном фрагменте 1864 г. «16 апреля. Маша лежит на столе» Достоевский заканчивает мыслью о том, что страдание, которое чувствует и непрерывно должен чувствовать человек, отказавшийся жертвовать собой ради других, уравнивается последующим райским наслаждением бытия в слитности с другими. В этом заключается земное равновесие и смысл жизни человека.

Завершает отрывок писатель следующим утверждением: «Учение материалистов – всеобщая *косность* и механизм вещества, значит смерть. Учение истинной философии – *уничтожение косности*, то есть мысль, то есть центр и Синтез вселенной и наружной формы ее – вещества, то есть бог, то есть жизнь бесконечная» (курсив наш. – А.П.) [1, с. 175]. Против *косности* впоследствии взбунтуется герой фантастического рассказа «Кроткая» (1876 г.), где под ней подразумевается существование вне единства с другими, т. е. неверие в идеал Христа и будущую синтетическую жизнь¹³.

К проблеме смерти и бессмертия Достоевский возвращался неоднократно. В октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский опубликовал статьи «Два самоубийства» и «Приговор». Несмотря на разные обстоятельства смерти, все три самоубийства, которым посвящены эти материалы, объединяет отсутствие высшей идеи, ради которой жизнь человека имела бы смысл и подчинялась бы «положительному» идеалу.

В статье «Приговор» писатель касался «основной и самой высшей идеи человеческого бытия – необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой»¹⁴.

В статье «Голословные утверждения» декабрьского выпуска за 1876 г. он отмечает, что «без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неесте-

детельного человека переходит на высшую ступень бытия и соединяется с Богом. Если личность посвящает жизнь материальным ценностям, перехода не происходит. Но в таком случае не ясно, что произойдет с духом и личностью (см.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. С. 339–348).

¹² И.И. Евлампиев полагает, что эту идею Достоевский также взял из концепции Фехнера (см.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. С. 339–348).

¹³ См.: Достоевский Ф.М. Кроткая // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь / текст подгот. и примеч. сост. В.Е. Ветловская и др.; ред. Е.И. Кийко, Г.М. Фридендер. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 34 [6].

¹⁴ Там же. С. 46.

ственно, невысказано и невыносимо»¹⁵. По мнению Достоевского, вера в бессмертие души отличает должное христианство от слепого следования церковным догматам. Писатель также обращает внимание на культурный и духовно-нравственный упадок современного человечества и на необходимость «совместной веры в бессмертие души человеческой»¹⁶. Индивидуального преобразования недостаточно для перерождения всего человечества в борьбе с несовершенством мира. Необходимы совместные усилия, которые должны вести к постепенному соединению, слиянию людей.

Идея любви к человечеству, взятая отдельно от веры в Бога и в будущую жизнь, не сможет облегчить участь человека, так как сознание бессилия перед страданиями других людей, по мнению Достоевского, может привести только к ненависти¹⁷. Эта идея также была осмыслена писателем в романе «Братья Карамазовы» (1880 г.).

В главе «Малочерная дама» второй книги романа помещица Хохлакова признается Зосиме в неверии в будущую жизнь и сомневается в своей способности встать на путь деятельной любви и делать благо без похвалы в ответ. Героиня признает, что она «работница за плату»¹⁸ и не готова никого любить иначе. Неверие в будущую жизнь делает помещицу неспособной к жертвенной любви и совершенствованию.

Бессилие человека заключается в том, что страдание неизбежно и облегчить его невозможно, а земная жизнь оказывается непреодолимо ограниченной во времени и пространстве. Получается, что короткая жизнь личности не имеет смысла и цели, полна страданий и несправедливости. Это и приводит упоминаемого старцем доктора к ненависти к отдельным людям: «Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще» [7, с. 53].

Доктору кажется, что само присутствие людей посягает на его самолюбие и свободу, хотя истинную свободу и раскрытие своего жизненного потенциала, по представлениям Достоевского, личность может обрести только искренне и самоотверженно веря в идеал Христа, т. е. в идеал целостности и единства, и стремясь к нему¹⁹.

Доктор из рассказа старца и Хохлакова мечтают о скором подвиге и готовы, на первый взгляд, отдать многое ради любви и служения человечеству. Зосима называет такую любовь мечтательной. Она жаждет быстрого подвига напоказ и

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Кроткая. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 49.

¹⁷ См.: Достоевский Ф.М. Голословные утверждения // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. С. 49.

¹⁸ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 53 [7].

¹⁹ Как замечает С.А. Кибальник, здесь Достоевский полемизирует с антропотеизмом Л.А. Фейербаха (см.: Кибальник С.А. Философский интертекст творчества Достоевского. СПб.: Петрополис, 2021. С. 333 [8]).

восхищения. Такая любовь в большей степени направлена на собственное Я, на обособление от человечества и ведет ко лжи и самообману.

Последнего старец советует особенно избегать, поскольку в этих качествах человек утверждает свою обособленность как незыблемый принцип. Первым шагом разрушения идеальной будущей жизни в фантастическом рассказе писателя «Сон смешного человека» (1877 г.) была ложь, а самообман в упоминавшемся выше рассказе «Кроткая» во многом способствовал трагедии ростовщика и последующей смерти героини.

Преодолеть смерть возможно, только встав на путь слияния с человечеством через деятельную любовь, которая требует выдержки и самоотверженных усилий, направленных во внешний мир²⁰.

Одним из положительных примеров такой любви является поступок Грушеньки в главе «Луковка» в седьмой книге романа. Испытывая страдания после смерти старца, Алеша сомневался в справедливости Бога и был зол на него. Раки-тин же вместо сочувствия и утешения был поглощен мыслью о скором позоре Алеши и материальной выгоде. Узнав о случившемся, Грушенька резко изменила свое намерение высмеять Алешу и, проникшись его переживанием, подала ему «луковку», т. е. сделала малозначительное, но доброе дело.

Как символ жертвенной добродетели луковка появляется и в следующей главе «Кана Галилейская». Во сне Алеши старец Зосима из своего посмертного бытия говорит ему: «Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» [7, с. 327]. Совершить благо для людей возможно, и такой поступок духовно совершенствует человека, однако для этого человек должен принять волевое решение. Восторг Алеши объясняется тем, что во сне он окончательно убедился в существовании будущей жизни, полнота и насыщенность бытия которой компенсируют страдания людей. Он убедился в том, что человечество может прийти к этому состоянию по своей воле, а не благодаря божественному промыслу. Именно в идее «абсолютного самосовершенствования»²¹ Достоевский видел возможность достижения бессмертия и спасения.

В письме Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. Достоевский проявил интерес к философской системе Н.Ф. Федорова. Тема воскресения человека волновала писателя, поэтому его интерес к фигуре мыслителя, ориентированного на «отвержение

²⁰ Д.С. Каннингхэм обращает внимание на тринитарную перспективу романа «Братья Карамазовы» и предполагает, что три брата являются человеческим отражением триединого Бога. При таком прочтении акцент с содержания личности переходит на ее изменяющиеся отношения с внешним миром и взаимодействие с ним (см.: Cunningham D.S. The Brothers Karamazov as trinitarian theology // Dostoevsky and the Christian Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 144–146 [9]).

²¹ Отвечая на критику А.Д. Градовского, Достоевский пишет: «А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а стало быть, из него же исходят все ваши гражданские идеалы» (см.: Достоевский Ф.М. Две половинки // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август / ред. Н.Ф. Буданова и др.; текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 164 [10]).

метафизического “субботства”²² и разрабатывавшего проект всеобщего спасения, закономерен. Воскресение Христа, согласно учению православной церкви, – его преображение в абсолютно совершенное, окончательное состояние, для Достоевского это «залог будущего просветления и спасения мира, его преображения по законам высшей, божественной красоты»²³. Вера в бессмертие, лишенная деятельного идеала Христа, напротив, делает бытие человека мучительно безнадежным, так как после смерти он вернется в тот же несовершенный, бессмысленный и полный страдания мир. Таким образом, возникает необходимость в активном творческом преображении мира ради коллективного спасения и воскресения.

В том же письме писатель засвидетельствовал совпадение своих взглядов с убеждениями Вл. Соловьева в вопросе о личном бессмертии: «Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев, по крайней мере верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» [13, с. 14–15].

Их знакомство произошло в 1873 году. В своем первом письме писателю, где Соловьёв демонстрирует глубокую осведомленность в творчестве Достоевского, молодой философ присоединился к заявленному в журнале «Гражданин» направлению.

Переживший к моменту знакомства с Достоевским мировоззренческий кризис, Соловьев был уже сознательно верующим христианином. Так что зрелый писатель и молодой философ придерживались достаточно близких убеждений.

В.А. Викторович, анализируя идейные пересечения в творчестве Достоевского и Соловьева, приходит к следующему выводу: «Соотношение двух миров – Достоевского и Вл. Соловьева – коротко можно представить в виде трех этапов: 1) параллелизм исканий и заметное воздействие писателя на становление молодого философа; 2) общая духовная лаборатория и личностное, катализаторное воздействие Соловьева на Достоевского в период работы последнего над “Братьями Карамазовыми”, как бы возвращение полученной от него энергии; 3) наследование Соловьевым динамической структуры духовного наследия Достоевского, поиск применения идеала» [14, с. 31]. Ниже сосредоточимся на первом этапе развития их творчества²⁴.

В своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» (1874 г.) Соловьев критиковал односторонность чисто рационалистического и чисто эмпирического направлений на Западе, так как они оба не могут вывести познающего из субъективной сферы. Отрицая метафизику, эти направления приводят к абстрактным понятиям и пустым логическим утверждениям. Действительное бытие, по мысли философа, существует в независимой от нас объективной действи-

²² См.: Семенова С.Г. Идея всеобщего спасения у Н.Ф.Федорова и ее судьба в русской культуре // Философия космизма и русская культура. Материалы междунар. науч. конф. «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова». Белград: Фото Фуртура, 2004. С. 16 [11].

²³ См.: Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 433 [12].

²⁴ Говоря о пересечении философских идей писателя и философа, также необходимо учесть, что эти идеи в большинстве своем были высказаны в лекциях или в устном общении, и мы можем судить о них только по позднейшим публикациям Соловьёва.

тельности, где логические и эмпирические элементы находятся в синтезе и предполагаются самобытным сущим²⁵. Его частное проявление – конкретное человеческое сознание. Всеединая метафизическая сущность Абсолюта, определяющего все существующее, проявляется в его духовном характере. Так как отличительной чертой духа является целесообразность (действие от себя, предполагающее волю и идею как цель), то необходимо доказать, что земной опыт человечества определяется общими целесообразными, разумными идеями, которые могут принадлежать только общей метафизической сущности.

В январе – апреле 1878 г. Соловьев прочел 12 лекций «О Богочеловечестве», в которых развил положения своей магистерской работы. На некоторых из этих лекций побывал и Достоевский²⁶. Также в библиотеке писателя имелись книги философа («Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874 г.), «Критика отвлеченных начал» (1877–1880 гг.))²⁷.

В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев развивает концепцию Бога как идеального целого, безусловного блага и любви, к которому должен свободно стремиться человек, а не пытаться замещать его различными низшими и поэтому ложными социальными идеалами, например социализмом. Тезисы Соловьева о бессмертии как бытии в абсолютном божественном целом во многом похожи на высказывания Достоевского, однако философ подчеркивает необходимость отделения личности от целого. Стремление «к исключительному господству и безусловному значению»²⁸ своей личности приведет человека к неизбежному выводу, что такой опыт несостоятелен, и он поверит в Бога сознательно, без принуждения.

Стремление к «безусловному значению» человека Соловьев разделяет на отрицательное и положительное. Отрицательная безусловность состоит в желании человека постоянно требовать больше и переступать за ограниченное содержание материального мира, а положительная безусловность заключается в стремлении обладать полной бытия, которая «может находиться лишь в сверхприродной области, которая, в противоположность миру вещественных явлений, определяется как мир идеальных сущностей, царство идей»²⁹.

Идею философ определяет как благо и любовь для своего носителя, как замысел его высшей, совершенной жизни и в то же время как его центральное содержание³⁰. Таким образом, всеобщая, универсальная идея предполагает безусловную любовь, всецелость, т.е. то, что присуще божественному началу. Осознание его в себе как конкретного проявления всеобщей сущности, по мнению философа,

²⁵ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии. Против позитивистов // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 1. С. 141 [15].

²⁶ «Имеются сведения, что Д., бывший членом Общества любителей духовного просвещения ..., посещал лекции Вл.С. Соловьёва ..., но какие именно, неизвестно» (см.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб.: Академический проект, 1999. С. 249 [16]).

²⁷ См.: Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 143–144 [17].

²⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 3. С. 13 [18].

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Там же. С. 57–58.

приведет человека к осознанию своей высшей цели – объединению человечества через религиозную любовь.

В ранних работах Соловьева мы видим сближение с негативной позицией Достоевского относительно половой любви. Однако в более позднем цикле статей «Смысл любви» (1892–1894 гг.) философ придавал этому явлению религиозное содержание, хотя сам термин «половая любовь» для своей концепции считал неудачным. В концепции Соловьева она свойственна только высшим организмам, к которым и относится человек, но такая форма порождения себе подобных связана не с животным продолжением рода, а со стремлением реально соединить разрозненные мужское и женское начала в высшее единство обоих³¹.

Вопрос бессмертия человека Соловьев также рассматривает с точки зрения вечной всеобъемлющей сущности: бессмертие является следствием того, что в своей сущности мы принадлежим божественному всеединству³². Таким образом, параллелизм философских исканий писателя и философа очевиден.

В «Трех речах в память Достоевского» (1883 г.) философ делает попытку освободить образ Ф.М. Достоевского от ложных интерпретаций, создать духовную биографию писателя. Идеал Достоевского, по мнению Соловьева, заключался в христианской идее «свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христово»³³, которая выражалась через идеи истинного христианства и вселенной Церкви³⁴.

Последняя идея была высказана философом еще в его лекциях о «Богочеловечестве». Впоследствии она утверждается в «Братьях Карамазовых»³⁵ Иваном Карамазовым и Зосимой в разговоре о церковном суде. Как пишет С.А. Кибальник, подробно проанализировавший главу романа, содержащую споры героев о церковном суде, у первого она обрела характер теократической утопии (близкий философу), а у второго – земной, гуманистической и вполне достижимый идеал современного человечества (близкий писателю)³⁶.

³¹ См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 7. С. 32–47 [19].

³² См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собр. соч. С. 127.

³³ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 3. С. 199 [20].

³⁴ С. Кэссиди полагает, что, говоря об идее вселенной Церкви Достоевского, Соловьев опирается преимущественно на пушкинскую речь писателя и значительно искажает его взгляды: «Но хотя Достоевский отказался здесь от своего антизападничества и употребил настоящий поток слов, начинающихся на все-, и хотя он говорит о «братском, окончательном согласии всех племен под евангельским законом Христовым», это не речь о церкви; это речь о мнимом универсализме русского характера» [Ср.: But even though Dostoevsky has abandoned his anti-Westernism here and used a veritable torrent of words beginning with vse- (“all-”), and even though he speaks of “the brotherly, definitive concord of all tribes under Christ’s evangelical law,” this is not a speech about the church; it’s a speech about the supposed universalism of the Russian character] (см.: Cassedy S. Dostoevsky’s Religion. Stanford: Stanford University Press, 2005. P. 167–168 [21]).

³⁵ Ранее Соловьев упоминал, что эта идея должна была центральной в новом романе или ряде романов, из которых написан только первый – «Братья Карамазовы». (см.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Собр. соч. С. 197).

³⁶ См.: Кибальник С.А. Философский интертекст творчества Достоевского. С. 229–230.

Процесс обретения человечеством истинного христианства Соловьев, как и Достоевский, описывает в соответствии с концепцией развития общества у Фихте: 1) эпоха авторитета, эпоха формальной, внешней веры («храмовое» христианство); 2) развитие внутренней индивидуальной жизни, по отношению к которой Христос – нравственный идеал только личной жизни («домашнее» христианство у Соловьева или состояние современной эпохи у Фихте); 3) Христос как всемирно-историческое начало, начало «любви, свободного согласия и братского единения»³⁷, которому люди не будут поклоняться в храмах, но которое будет определять и одухотворять всю их личную и общественную жизнь (истинное, полное христианство, к которому должно прийти человечество в будущем и которое предполагает веру в реальность идеального и культурно-историческое творчество³⁸).

Прямое влияние идей писателя на философа можно обнаружить сравнивая, например, вышеупомянутый рукописный фрагмент 1864 г. и ранние работы Соловьева, в которых он практически цитирует Достоевского. Например, в работе «Духовные основы жизни» (1884 г.) философ пишет: «То единство, которым держится и связывается вселенная, не может быть только отвлеченной идеей. Оно есть живая личная сила Божия, и всеединящая сущность этой силы открывается нам в *богочеловеческом лице Христа*, в Нем же *вся полнота* Божества обитает *телесно*. Помимо Христа Бог не имеет для нас живой действительности. К Христу тяготеет и вся наша личная религия, на Нем же основана и общая вселенская религия» (курсив наш. – А.П.) [23, с. 302]. Соловьев перенес в свои рассуждения мысль писателя о Христе как идеале человечества во плоти и его вхождении в мир телесно практически дословно, а в речи, произнесенной на высших женских курсах в Петербурге 13 марта 1881 г., он упоминает факт рождения нового человека: «Этот мировой факт, это воплощение в факте истины, как живого начала, *основы новой жизни*, не было процессом только внутренним, субъективным, совершившимся внутри, а таким, в котором *внутреннее перерождение сопровождалось изменением материальной природы человека, изменением всех его внешних отношений*» (курсив наш. – А.П.) [24, с. 418].

Таким образом, в заключение еще раз отметим, что параллелизм философский исканий Достоевского и Соловьева очевиден, как и сходство их позиций в вопросе бессмертия и воскресения (о чем было прямо сказано Достоевским в письме к Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г.)³⁹. Соловьёв, как и Достоевский, противопоставляет современное ему христианство и истинное. Так же, как и писатель, философ делает акцент на земном мире и его совершенствовании, которое должно произойти не по воле трансцендентного Бога, а по свободной воле человечества в будущем. Достичь индивидуального бессмертия, по мысли Достоевского и Соловьева, невозможно, поэтому писатель и философ верят, что в будущем челове-

³⁷ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Собр. соч. С. 200.

³⁸ См.: Капилупи С.М. Соловьев и Достоевский // Вестник РХГА. № 3. 2021. С. 96 [22].

³⁹ И.И. Евлампиев полагает, что, несмотря на отречение Соловьева в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899 г.) от своих ранних взглядов, позиции философа и писателя в вопросе бессмертия во многом совпадали (см.: Евлампиев И.И. Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьев о грядущем значении христианства // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 1(61). С. 24–36 [25]).

ство осознает необходимость принятия настоящего христианства, в котором высшим, божественным состоянием человека будет слияние всех личностей в нерасторжимое духовное единство⁴⁰.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. 16 апреля. Маша лежит на столе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Статьи и заметки, 1862–1865 / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ; тексты подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 172–175.
2. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.
3. Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии // Современные записки. 1932. № 50. С. 288–305.
4. Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. 2-е изд. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 600 с.
5. Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. – М.: ИМЛИ РАН, 2021. 416 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ; текст подгот. и примеч. сост. В.Е. Ветловская и др.; ред. Е.И. Кийко, Г.М. Фридендер. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 518 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ; текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.
8. Кибальник С.А. Философский интертекст творчества Достоевского. СПб.: Петрополис, 2021. 394 с.
9. Cunningham D.S. The Brothers Karamazov as trinitarian theology, in Dostoevsky and the Christian Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 134–156.
10. Достоевский Ф.М. Две половинки // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ; ред. Н.Ф. Буданова и др.; текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 149–174.
11. Семенова С.Г. Идея всеобщего спасения у Н.Ф. Федорова и ее судьба в русской культуре // Философия космизма и русская культура: материалы междунар. науч. конф. «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова». Белград: Фото Футура, 2004. С. 7–17.
12. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
13. Достоевский Ф.М. – Петерсону Н.П., 24 марта 1878 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30, кн. 1. Письма, 1878–1881 / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ; / текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. С. 14–15.
14. Викторovich В.А. Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Ч. II. СПб., 1993. С. 5–31.
15. Соловьев В.С. Кризис западной философии. Против позитивистов // Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 39–164.
16. Летопись жизни и творчестве Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб.: Академический проект, 1999. 615 с.

⁴⁰ Б.Ф. Егоров обратил внимание на утопичность и противоречивость иммортологических представлений Достоевского и Соловьева, которые были грандиозными настолько, что Достоевский передвигал сроки осуществления «рая Христова» от «здесь и сейчас» до далекого будущего. По своей натуре Соловьев, по мнению исследователя, к 1890-м годам все больше разочаровывался в утопических идеалах теократии под началом католицизма и не верил в скорое осуществление задуманного (см.: Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 263–269, 286–296 [26]).

17. Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
18. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 9–171.
19. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 7. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 7–69.
20. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 194–227.
21. Cassidy S. Dostoevsky's Religion. Stanford: Stanford University Press, 2005. 204 p.
22. Капилупи С.М. Соловьёв и Достоевский // Вестник РХГА. 2021. № 3. С. 92–98.
23. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 309–423.
24. Соловьёв В.С. Содержание речи, произнесенной на высших женских курсах в Петербурге 13 марта 1881 г. // Соловьёв В.С. Собр. соч. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. С. 425–430.
25. Евлампиев И.И. Ф.М. Достоевский и Вл. Соловьёв о грядущем значении христианства // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 1(61). С. 24–36.
26. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 263–269, 286–296.

References

(Sources)

Collected works

1. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo. Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Library of F.M. Dostoevsky: the Experience of Reconstruction. Scientific Description]. Saint-Petersburg: Nauka, 2005. 338 p.
2. Dostoevskiy, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 14. Brat'ya Karamazovy: Roman v 4 ch. s epilogom. Kn. 1–10* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 14. The Brothers Karamazov: A novel in 4 part with an epilogue. Books 1–10]. Leningrad: Nauka, 1976. 511 p.
3. Dostoevskiy, F.M. *Dve polovinki* [The Two Halves], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 26. Dnevnik pisatelya, 1977, sentyabr'–dekabr'–1880, avgust* [Complete works in 30 vols., IRLI. Vol. 26. A Writer's Diary, 1977, September–December–1880, August]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 149–174.
4. Dostoevskiy, F.M. Letter to N.P. Peterson, March 24, 1878, in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 30, kn. 1. Pis'ma, 1878–1881* [Complete works in 30 vols., IRLI. Vol. 30, book 1. Letters (1878–1881)]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 14–15.
5. Dostoevskiy, F.M. 16 aprelya. Masha lezhit na stole [April 16. Masha is Lying on the Table], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 20. Stat'i i zametki, 1862–1865* [Complete works in 30 vols., IRLI. Vol. 20. Articles and notes, 1862–1865]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 172–175.
6. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 24. Dnevnik pisatelya. 1876 g. (noyabr'–dekabr')* [Complete works in 30 vols., IRLI. Vol. 24. A Writer's Diary. 1876. (November–December)]. Leningrad: Nauka, 1982. 518 p.
7. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo 1821–1881: v 3 t., t. 3* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works in 3 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999. 615 p.
8. Solov'ev, V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Lectures on Godmanhood], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Collected works in 10 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 9–171.
9. Solov'ev, V.S. *Dukhovnye osnovy zhizni* [The spiritual Foundations of Life], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Collected works in 10 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 309–423.
10. Solov'ev, V.S. *Krizis zapadnoy filosofii. Protiv pozitivistov* [The Crisis of Western Philosophy. Against the positivists], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 1* [Collected works in 10 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 39–164.

11. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7* [Collected works in 10 vols., vol. 7]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 7–69.

12. Solov'ev, V.S. Soderzhanie rechi, proiznesennoy na vysshikh zhenskikh kursakh v Peterburge 13 marta 1881 g. [The content of the speech delivered at the higher courses for women in St. Petersburg on March 13, 1881], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Collected works in 10 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 425–430.

13. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Collected works in 10 vols., vol. 3]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911–1914, pp. 194–227.

(Articles from Scientific Journals)

14. Evlampiev, I.I. F.M. Dostoevskiy i Vl. Solov'ev o gryadushchem znachenii khristianstva [F.M. Dostoevsky and Vl. Solovyov about the future meaning of Christianity], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 1(61), pp. 24–36.

15. Kapilupi, S.M. Solov'ev i Dostoevskiy [Solovyov and Dostoevsky], in *Vestnik RKhGA*, 2021, no. 3, pp. 92–98.

16. Vysheslavtsev, B.P. Dostoevskiy o lyubvi i bessmertii [Dostoevsky About Love and Immortality], in *Sovremennye zapiski*, 1932, no. 50, pp. 288–305.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Cunningham, D.S. The Brothers Karamazov as trinitarian theology, in *Dostoevsky and the Christian Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pp. 134–156.

18. Semenova, S.G. Ideya vseobshchego spaseniya u N.F. Fedorova i ee sud'ba v russkoy kul'ture [An Idea of Universal Salvation in N.F. Fedorov and His Fate in Russian Culture.], in *Filosofiya kosmizma i russkaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kosmizm i russkaya literatura. K 100-letiyu so dnya smerti Nikolaya Fedorova»* [The philosophy of cosmism and Russian culture. proceedings of the international scientific conference “Cosmism and Russian literature. On the 100th anniversary of the death of Nikolai Fedorovich”]. Belgrad: Foto Futura, 2004, pp. 7–17.

19. Viktorovich, V.A. Dostoevskiy i Vl. Solov'ev [Dostoevskiy and Vl. Solovyov], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. Al'manakh, № 1. Ch. II. Saint-Petersburg, 1993, pp. 5–31.

(Monographs)

20. Casedy, S. *Dostoevsky's Religion*. Stanford: Stanford University Press, 2005. 204 p.

21. Egorov, B.F. *Rossiyskie utopii: Istoricheskiy putevoditel'* [Russian utopias: a historical guide]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2007. 416 p.

22. Evlampiev, I.I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo* [The Image of Jesus Christ in the Philosophical Worldview of F.M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2021. 600 p.

23. Gacheva, A.G. «Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...»: *Russkaya filosofiya i literatura* [“An ideal is also reality...”: Russian philosophy and literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 734 p.

24. Kasatkina, T.A. (ed.) *Bogoslovie Dostoevskogo* [Theology of Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2021. 416 p.

25. Kasatkina, T.A. *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: Artistic Method of Speaking]. Moscow: Vodoley, 2019. 336 p.

26. Kibal'nik, S.A. *Filosofskiy intertekst tvorchestva Dostoevskogo* [Philosophical Intertext of Dostoevsky's Work]. Saint-Petersburg: Petropolis, 2021. 394 p.